

О.Н. Глазунов

***ОСОБЕННОСТИ КУЛЬТУРЫ
РАДИКАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ
В ЭПОХУ СОЦИАЛЬНЫХ
ТРАНЗИТИВОВ***

Москва
2009

Олег Николаевич Глазунов
Особенности культуры
радикальных трансформаций в
эпоху социальных транзитивов

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=16901789
Особенности культуры радикальных трансформаций в эпоху социальных
транзитивов. / Глазунов О.Н.: Пробел-2000; Москва; 2009
ISBN 978-5-98604-141-4

Аннотация

Основной задачей книги является анализ роли культуры в современных радикальных трансформациях, как и в каких исторических обстоятельствах происходят революции и социокультурные преобразования. Предназначена для студентов, аспирантов и преподавателей вузов, колледжей, гимназий, школ, всех интересуется проблемами культуры.

Содержание

Введение	4
Глава 1	8
1.1. Общее понятие «транзитива» как перехода от одной формы организации социума к другой	8
1.2. Феномен «радикальных трансформаций» как разновидность социальных транзитивов	13
Глава 2	17
2.1. Первобытное, античное и средневековое время	17
Конец ознакомительного фрагмента.	21

О.Н. Глазунов

Особенности культуры радикальных трансформаций в эпоху социальных транзитивов

Введение

Радикальные трансформации представляют собой исторически универсальный феномен. Без войн, переворотов, экономических и политических революций невозможно представить историю культуры. Вместе с тем, эти явления – часть жизни современного мира.

Радикальные преобразования внесли свой вклад в развитие тех форм, которые отличают культуру XX–XXI вв. «Рождение современности» прослеживается уже в периоды буржуазных революций – английской, французской, американской; русских революций начала XX века. Здесь отчетливо прослеживается влияние радикализма на самосознание общества, его идеологию и политику. Однако нельзя забывать, что данное влияние не ограничивается одной лишь сферой «идеального». Радикальные движения в полном смысле являются творцами, конструкторами «материи» социальных изменений. Они задают вектор движения политической системе, а через нее – всей системе культуры. Особый интерес вызывает в наше время сам механизм подобного воздействия.

Не секрет, что на радикальные трансформации во все эпохи работал целый штат деятелей культуры. Так, «на войну» с древних времен работали (и работают по сей день) тысячи людей. Среди них – мыслители, ученые (гуманитарии, естествоиспытатели и «технари»); военные академии, институты, издательства, газеты, журналы. А с некоторых пор – еще радио и телевидение. Войны и революции стали элементом, целой сферой человеческой культуры, спутником человечества. В некотором роде они представляют собой образ мышления, более того С образ жизни.

Думается, в свете сказанного уместно говорить о культуре радикальных трансформаций как эпифеномене самих этих трансформаций. Более того, необходимой составляющей современного гуманитарного знания видится выяснение механизмов «сцепки» интеллектуального радикализма в сфере личного и общественного сознания – и процессов «перестройки» живого социального организма путем насильственных преобразований (войн, революций, бунтов и т. п.).

Однако в современной культурологии не так много работ, где обсуждаются проблемы культуры радикальных трансформаций в феноменолого-системном ключе. Современные исследования, посвященные радикальным трансформациям, как правило останавливаются на изучении событий периода XVIII – начала XX вв., и не идут дальше более – менее развернутых констатаций. Во многом это связано с тем, что методологическую базу для исследований подобного рода составляют приемы и средства исторической науки. А в ней, как известно, господствует принцип «запрета сослагательного наклонения». Вместе с тем, вопрос о закономерностях исторического процесса (т. е. о наличии в нем устойчивых повторяющихся связей) не только требует учитывать многоплановые «а если бы...». Он еще и соответствует нынешним реалиям, когда гуманитарное знание всерьез претендует на то, чтобы считаться научным. А значит, способным выявлять закономерности. Культурология – одна из тех дисциплин, которые всерьез могут претендовать на решение этих трудных задач.

Следует заметить, что именно культурология имеет возможность описать конкретные типы радикализма, с которыми сталкивалось человечество на протяжении своей истории. Но описать не ради описания, а ради достижения куда более прагматической цели: выявления способов и степени влияния «радикалистских» и «не-радикалистских» форм друг на друга, а также на доминирующие тенденции общественного развития. Отдельной задачей является соотнесение теории и практики радикализма с аксиологическим фундаментом отечественной культуры. И, соответственно, разработка основных направлений стратегии при составлении научно обоснованных рекомендаций относительно всего комплекса культуры радикальных трансформаций.

Анализ роли и функций культуры в радикальных преобразованиях способствует не только пониманию сущности этого вида социальных изменений, но и культуры в целом. Кроме того, актуальность темы исследования обусловлена еще и тем, что современная культура переживает состояние, определяемое подавляющим большинством исследователей как «кризисное», «критическое», «транзитивное», «пороговое», «пограничное» или «переходное». Уже само переполнение гносеологического пространства таким количеством синонимов свидетельствует о напряженных попытках осмысления данного социокультурного состояния.

Проблематика специального анализа транзитивных эпох в историческом развитии культуры в отечественной культурологии оформилась сравнительно недавно. Если долгое время культурные целостности исследовались в некоем статичном состоянии, то современных исследователей культуры все больше начинают привлекать проблемы морфогенеза, трансформации культуры, то есть, культурной динамики и, в частности, моменты наиболее напряженного динамизма – переходные состояния культуры. Напрямую с феноменом транзитивных состояний в развитии культуры культурологи столкнулись при попытке осмыслить Возрождение как определенный этап в духовном развитии Европы, а в ряде случаев – и всего человечества. Этот тип культуры подробно исследовался именно в его логике переходности Баткиным Л.М.¹, Гуревичем А.Я.², Знамеровской Т.П.³, Конрадом Н.И.⁴, Лосевым А.Ф.⁵.

Понимание переходной природы Возрождения поставило вопрос о существовании типологически подобных культурных эпох. Сходные характеристики стали выявляться в культуре Барокко, Романтизма (А.В. Михайлов⁶), Эллинизма (Г.С. Кнабе⁷). Исследуются транзитивные эпохи в истории русской культуры (Бердяев, И.В. Кондаков⁸, Ю.М. Лотман).

Необходимо также отметить, что усилившийся с 1950-х годов интерес к естественно-научным изысканиям в области явлений самодвижения и самоорганизации материи, трансформации сложных систем, обострил интерес философов и культурологов к переходным феноменам, а книга И. Пригожина и И. Стенгерс⁹ «Порядок из хаоса» стала методологической базой для некоторых исследований в области культуры. Наиболее полно опыт при-

¹ Баткин Л.М. Итальянское Возрождение: Проблемы и люди / Рос. гос. гуманит. ун-т. – М.: Изд-во РГГУ, 1995

² Гуревич А.Я. Категории Средневековой культуры // Избранные труды, Т. 2 – М.: ЦГНИИ ИНИОН РАН, 1999

³ Знамеровская Т.П. Неаполитанская живопись первой половины 17 века. Из истории мирового искусства – М.: Искусство, 1978

⁴ Н. И. Конрад. Избранные труды. Синология – М.: Наука, 1977

⁵ Лосев А.Ф. Античная философия истории – М.: изд-во "Наука", 1977

⁶ Михайлов А.В. Диалектика литературной эпохи. Переход от романтизма к реализму в литературах Европы: Дис. на соиск. учен. степ. д-ра филол. наук: 10.01.08 / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького М., 1989

⁷ Кнабе Г.С. Материалы к лекциям по теории культуры и истории Древнего Рима. – М., 1990.

⁸ Кондаков И.В. Самосознание культуры на рубеже тысячелетий // *Общественные науки и современность*. 2001. № 4.

⁹ Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой: Пер. с англ./ Общ. ред. В. И. Аршинова, Ю. Л. Климонтовича и Ю. В. Сачкова. С М.: Прогресс, 1986. С 432 с

менения выявленных закономерностей самоорганизации материи к социальному и культурному развитию представлен в работах «Философия культуры» М.С. Кагана¹⁰, «Культура и взрыв» Ю.М. Лотмана, «Культура как система» А.А. Пелипенко и И.Г. Яковенко¹¹. Интересный анализ ключевых синергетических категорий «порядка» и «хаоса» проводится в работе В.И. Тасалова¹² «Хаос и порядок: социально-художественная диалектика». К исследованию трансформации социокультурных систем несколько раньше обратились социологи. Однако их интерес концентрируется в области политических, экономических и собственно социальных аспектов жизни общества. «Культурное» же до сих пор понимается недостаточно широко и рассматривается как ценностно-нормативный аспект социума. Пример такого социологического исследования переходности – книга А. Н. Данилова «Переходное общество: Проблемы системной трансформации»¹³.

В отечественной науке, уже совмещая историко-социологический и культурологический подходы, исследованием транзитивных эпох занимаются А.С. Ахизер¹⁴, В. Б. Земсков¹⁵, Я.К. Шемякин¹⁶, изучением личности в переходные эпохи культуры С.И.В. Бестужев-Лада, С.А. Кравченко¹⁷, Н.А. Хренов и др. Современное состояние культуры и культурного сознания глубоко анализируется в работах зарубежных авторов – Р. Гвардини¹⁸, Х. Ортеги-и-Гассета¹⁹, С. Хантингтона, Й. Хёйзинги; теоретиков постмодерна С.Р. Барта²⁰, Ж. Бодрийара, П. Козловски²¹, Ю. Кристевой, Ж.Ф. Лиотара, М. Фуко²² и др.

Отдельную группу составляют авторы, внесшие значительный вклад в развитие отечественной культурологии, социальной философии, социологии и философии культуры, чья научная судьба связана с Государственной академией славянской культуры. Среди них – И.К. Кучмаева, М.Н. Громов, А.С. Панарин, Г.П. Мельников, В.Ф. Козлов, А.Г. Климов, О.А. Запека и др.

Тема транзитивности в культуре остается открытой и имеет широкий спектр углов зрения, с позиций которых можно подойти к ее изучению. Кроме того, мне не удалось обнаружить какой-либо фундаментальной монографической работы, в которой бы выделялись, сопоставлялись основные концепции транзитивности, радикальных трансформаций и культуры. Тем более мне не удалось обнаружить ни одной работы, посвященной анализу условий возможности и специфики познания переходных состояний культурологией в ситуации переживания переходного состояния современной культурой.

¹⁰ М. С. Каган Философия культуры. Становление и развитие. Издательство “Лань”, 1998. С 434 с.

¹¹ Яковенко И.Г. Пелипенко А.А. Культура как система. М.: Издательство «Языки русской культуры», 1998

¹² Тасалов В.И. Хаос и порядок: социально-художественная диалектика — М., 1990,

¹³ Данилов А.Н. Переходное общество: проблемы системной трансформации – Мн.: «Харвест» 1997

¹⁴ Ахизер А. С. Социокультурные механизмы циклов культуры. // Искусство в ситуации смены циклов, Москва, 2002

¹⁵ Земсков В.Б. Жанр «Истории» и ловушки исторического и историко-литературного знания на рубеже тысячелетий // Известия АН. Серия литературы и языка, 2003, том 62, № 3.

¹⁶ Шемякин Я. Г. История мировых цивилизаций. XX век: – М.:Academa, 2000.

¹⁷ Кравченко С.А. Оценка процесса реформирования российского общества в свете интегральной парадигмы П.А. Сорокина. – Питирим Сорокине и социокультурные тенденции нашего времени. – Материалы к Международному научному симпозиуму, посвященному 110-летию со дня рождения П.А. Сорокина. – М. – Санкт-Петербург: Издательство СПбГУП, 1999.

¹⁸ Гвардини Р. 'Конец философии нового времени. 1954': Феномен человека: Антология. М.: Высш. шк., 1993

¹⁹ Х. Ортега-и-Гассет. Восстание масс. – Вопросы философии. 1989, № 4, с. 115–116; № 3, с. 119.

²⁰ Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика / Пер. с фр.; сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. С М.: Прогресс, 1989.

²¹ Козловски П. Культура постмодерна: общественно-культурные последствия технического развития / П. Козловски; Пер. с нем. Л.В. Федоровой и др. М.: Республика, 1997.

²² Фуко М. Что такое Просвещение / Пер. с фр. Е. Никулина // Вопросы методологии. С 1995. С № 1С 2.

Специфика исследуемой проблематики не позволяет нам оставаться в рамках какого-либо одного методологического подхода, но требует синтеза различных теоретико-методологических оснований. На наш взгляд, при решении поставленных исследовательских задач необходимо обратиться, во-первых, к учению о гегемонии, представленной, прежде всего, в работах А. Грамши²³, М.Хоркхаймера²⁴ и Г.Лукача. Теория гегемонии получила развитие и в трудах отечественных исследователей культуры С.С.Кара-Мурза, Ю.Лотмана, Бахтина, А.Н.Дмитриева чьи работы дают теоретическую основу работы. Критическая теория Теодора Адорно. В этом плане нам полезны исследования Э.Фромма, Вильгельма Райта, Г.Маркузе.

Кроме того, основой данной работы стали публикации и монографии по проблематике радикальных преобразований, истории, экономике, социальной политике, многочисленные публикации зарубежной, прежде всего американской и английской, и российской прессы. Среди современных западных ученых, занимающихся исследованиями проблемных вопросов в данной сфере, следует отметить, прежде всего, работы С.Ханингтона, Ф.Фукуямы, Г.Маркузе, П.Бьюкенен, П.Кальвокоресси, З.Бжезинского. Проблема радикальных трансформаций выше перечисленными учеными решалась в рамках общефилософских проблем и теорий. С возникновением культурологии как научной дисциплины эта проблема почти всецело перешла под ее юрисдикцию и стала составной частью проблемы функций культуры.

Поэтому проблематика является новой для российских политических реалий, а круг специализированных источников, в т. ч. документальных, довольно невелик. При этом автор провел самостоятельное исследование и анализ широкого круга источников.

²³ Грамши А. Избранные произведения: [пер. с итал.] / [Под общ. ред. И. В. Григорьевой и др.; Вступит. статья Г. П. Смирнова; Примеч. И. В. Григорьевой, К. Ф. Мизиано]. С М.: Политиздат, 1980

²⁴ М. Хоркхаймер, Т. Адорно "Диалектика Просвещения. Философские фрагменты". Пер. с нем. М. Кузнецова. М., СПб, Медиум. Ювента, 1997.

Глава 1

Понятие «транзитива» и «радикальных трансформаций» в истории культуры

1.1. Общее понятие «транзитива» как перехода от одной формы организации социума к другой

Анализируя культурные процессы, происходящие в различные эпохи, находя в них общее и особенное, типичное и исключительное, интеллектуальное и повседневное, мы особое место уделяем осмыслению феномену транзитивности. Этот термин для российской социологии и культурологии является новым и малоупотребляемым. По крайней мере, мне не удалось обнаружить ни одной работы в России, посвященной анализу условий возможности и специфики познания транзитивных процессов. Еще примечательнее, что и по сей день в многочисленных российских публикациях, посвященных проблемам культурологи, истории и философии почти не отводится места исследованиям транзитива. Можно найти немало интересных и достаточно серьезных исследований, посвященных экономическим, психологическим и социальным преобразованиям, но исследований, рассматривающих транзитив как важнейшее условие и фактор происходящей трансформации, по-видимому, пока не существует.

Понятие «транзитивы», «транзитивные эпохи» применяется в основном американскими социологами для обозначения переходных состояний в культурно-историческом процессе. В данном контексте показательны следующие, близкие по смыслу понятию «транзитив»: переходные эпохи, «эпоха перемен», «эпоха трансформаций», «сдвиг» и др., сущность которых выходит за границы линейной парадигмы развития. Эти транзитивные эпохи представляют собой те «узлы» истории культуры, в которых и происходит смена культурно-исторических циклов. В них получает завершение то «старое», что сохранилось на протяжении предшествующего цикла, и складывается то «новое», чему предстоит развиваться в следующем цикле; при этом «старое» и «новое» в переходные периоды подчас неразличимо перепутываются, смешиваются, переходят друг в друга, создавая характерное пространство «смысловой неопределенности», в котором противоположности сосуществуют на равных, так сказать, во «взвешенном состоянии». Важно понять, какие культурно-исторические закономерности господствуют в эти транзитивные периоды и управляют сменой парадигм в истории культуры.

Транзитивная культурная эпоха, переходное состояние культуры в самом общем, исходном определении. С такой фрагмент культурно-исторического процесса, когда наличная культурная реальность уже вышла за границы прежнего качественно определенного культурного состояния (типа культуры), но не достигла еще характеристики целостности нового типа, нового системного уровня, определенности и самотождественности нового качества. Поэтому транзитивные эпохи в культурно-историческом процессе характеризуются неустойчивостью и нестабильностью. Эти периоды, как правило, сопровождаются кризисами, возникновением и эскалацией рисков, провоцирующих деструктивные явления в культуре, трансформациями мировоззрения общества в целом, социокультурными сдвигами, противоречивостью художественных тенденций и одновременно – активными инновационными поисками во всех сферах жизнедеятельности.

Для эпохи транзитивов характерны величайшие войны, восстания и революции, всемирные столкновения народов, начинавшие новые эры в жизни человечества. В этот период происходит распространение различных учений – политических, религиозных и пр.; распространение ересей, религиозных смут и войн, политических заговоров и путчей. Здесь берет начало духовная деятельность человека, создаются культурные ценности, чистое искусство и наука становятся в край угла общественной жизни.

Характерными свойствами культур транзитивных эпох являются медиальность и синестезийность, выступающая в качестве антитезы по отношению к процессам дискретности, связанным с переходом. В ряду основных признаков переходности располагаются деструкция в поле универсалий культуры, ее полиморфность, конфликт духовных доминирующих концептов, многообразие тенденций художественных процессов, сочетание несовместимых субкультур, вариативность и трансформация смыслов прецедентных для социокультурного пространства феноменов. Порой в процессе транзитива складываются принципиально новые механизмы социокультурной динамики, дающие о себе знать (различно) как на этапе становления, так и на этапе агонии и распада цивилизационной модели.

Например, итогом Серебряного века в России, как известно, явился социокультурный взрыв – революция, приведшая к образованию «двух культур» в рамках одной национальной культуры, к росту насилия и кровопролитной гражданской войне, к установлению – впервые в мире – жестокого тоталитарного режима на территории огромной многомиллионной страны, положившего конец культурному и социально-политическому плюрализму и создавшему монолитную, монистическую советскую тоталитарную культуру и «параллельную» ей, непримиримую к революции и большевизму, «зеркально» ее копирующую культуру русского зарубежья. После кровавой и опустошительной революции, перешедшей в затяжную гражданскую войну, облик российской цивилизации принципиально изменился: на месте внутренне противоречивой, контрастной и динамичной, но тем не менее единой цивилизации возникли два цивилизационных феномена – Советская Россия и Русское Зарубежье; им соответствовали и «две культуры», противоборствующие, взаимополемичные, конфронтирующие – советская и русско-зарубежная. При всем взаимонеприятии и игнорировании друг друга оба феномена были тесно связаны между собой, представляя в паре конструкцию «взаимоупора», бинарную модель цивилизации.

Транзитивы не ограничены временем и могут длиться неопределенно долго. Один из таких периодов – это 1914–1934 годы, когда была решена судьба двадцатого века. Именно в это время были заложены основы будущего Европы и Америки. Примерно, такой же период происходит в современном мире. Старый мир окончательно и безвозвратно рухнул в 1991 году. Ушла "старая" эпоха. Новая – еще не наступила. Россия и Запад находятся в переходной стадии – ранняя форма глобализации закончилась 11 сентября 2001 года. Этот процесс будет длиться еще лет десять-пятнадцать – и возникнет новый мир. Новые эпохи побеждают, когда приходят новые люди и новая культура, события происходящие по всему миру, имеют большое значение для их прихода.

Неопределенности в суждениях о транзитивных состояниях возникают не только из-за трудности или даже невозможности обнаружить и точно фиксировать те состояния вещей, которые позволяют говорить о том, что произошли изменения, но из-за сложности самих транзитивных состояний. Например, процесс гибели коммунизма не был кратковременен мероприятием времен правления Горбачева. Он начался задолго до 1985 или 1991 года, происходил во всех сферах жизни общества и во всех районах страны.

Транзитивный процесс, однако, означает не только крушение status quo ценностно-смысловой системы и разрушительную по своему характеру смену исторических парадигм, коренным образом меняющую культурную семантику и социальную организацию цивилизации. За ним стоит и представление о возникновении нового в культуре, спрово-

цированного драматическими, а подчас и прямо трагедийными обстоятельствами «выживания» культуры на грани гибели. Этот деструктивный процесс, сопутствующий смене культурно-исторических парадигм, в русской традиции связан с представлениями о «смуте» и «смутном времени», которые в контексте «большого времени» (М. Бахтин)²⁵ ассоциируются в такой же мере с «концом» истории, как и с ее «началом», с амбивалентной «смертью-рождением» культуры, повторяющейся в каждый переломный ее момент, со «взрывом», который может служить символом разрушения, но одновременно и созидательным толчком к порождению нового.

В каждое транзитивное время гибель одного, завершающегося цикла в развитии культуры совпадает с зарождением и подъемом нового. Фазы культурно-исторического развития, связующие конец одной эпохи и начало другой, отмечены печатью культурной переходности, внутренней противоречивости. Бросается в глаза типологическое сходство всех транзитивных эпох: от Средневековья к Новому времени (XVII век); от классической парадигмы к неклассической (Серебряный век); от советской к постсоветской культурной истории. В известном смысле все эти переходные эпохи представляют собой «смутное время» русской культуры.

Точный прогноз «смутных», переходных процессов оказывается на практике весьма проблематичным и условным. Поэтому природа возникновения транзитивных процессов в обществе до конца не изучены. Существуют несколько теорий или гипотез, которые никакими исследованиями не подтверждаются. Это, теория русского ученого А.Л. Чижевского, о влиянии солнечной энергии на течение всемирно-исторического процесса. Теория пассионарности Л.Гумилева, утверждающая, что пассионарии (сверхактивные люди) являются творцами истории и культуры. Проблемой возникновения переходных эпох занимались Ю.Лотман, А.Н. Данилов и И.В. Кондаков. Необходимо также отметить, что усилившийся с 1950-х годов интерес к естественнонаучным изысканиям в области трансформации сложных систем, обострил интерес философов и культурологов к переходным феноменам, а книга И. Пригожина и И. Стенгерс «Порядок из хаоса» стала методологической базой для некоторых исследований в области культуры. Значимыми для нас представляются исследования зарубежных философов и культурологов: Р. Гвардини, Х. Ортеги-и-Гассета, С. Хантингтона, Й. Хейзинги. Но и они не раскрывают всей полноты проблемы.

Все транзитивные эпохи отличаются друг от друга, поскольку культура в эти периоды совершает переход от качественно отличных друг от друга состояний к принципиально несходным. В то же время конкретные периоды во все переходные эпохи обладают чертами определенного сходства, которые и составляют суть и смысл культурного и цивилизационного «транзитива». Можно выделить четыре основных цикла или периода. Их можно охарактеризовать в рамках теории И.Пригожина как порядок – хаос – порядок.

Первый период характеризуется общим кризисом государства. Он подразумевает кризис идей и падением авторитета государства, отсутствием желаний какой-либо борьбы за идею или право, а потому влечет за собою капитуляцию, сдачу в плен, бросание оружия, бегство с поля битвы, заключению ряда перемирий с врагом, капитуляции на тяжелых условиях. Эти факты историки пытаются объяснить истощением нравственных и физических сил, психической усталостью после пережитых волнений, разладом государственного единства, прекращением влияния ранее объединяющей причины, неспособностью, падением или уходом вождей, потерявших доверие масс и власть над ними.

Начало второго периода в исторических сочинениях характеризуется значительным подъемом масс, чем в первый период. Единения пока нет, только начинаются вновь организовываться распавшиеся в первом периоде партии и группы, намечаются вожди, опре-

²⁵ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества – М., 1979

деляются программы. Вопросы, культурные, политические и экономические начинают вырисовываться и обостряются. Возникновение основных идей зависит от внутренних и внешних факторов: экономического состояния государства, международного положения – угрозы войны, оккупации. Значение этого периода в том, что он полагает основу дальнейшему развитию исторических событий на протяжении данного цикла.

Третий период – основной. Именно в это время имеют место революции и войны, восстания и бунты. Историки становятся в тупик перед фактами, указывающими на то, что идеи, о которых не смели говорить год-два тому назад, теперь высказывались открыто; массы становились нетерпеливее, беспокойнее. Они начинают требовать и вооружаться. Демонстрации делались злобнее и неприязненнее, народные собрания не протекали мирно; массы требовали с мечом в руке своих решений. Населением овладевала глубокая ненависть к своим врагам. Записки современников свидетельствуют о поразительной скорости распространения народных восстаний и массовых движений. Охватывающих большие территории. История знает примеры, когда войны, восстания и другие массовые движения в небольшой промежуток времени, охватывали огромные пространства – даже целые континенты. Именно в этом период выявлено появление в общественной жизни таких исторических личностей, как Ганнибал, Спартак, Цезарь и мн. др.

Четвертый период не менее интересен, чем предшествующие ему периоды. Он может также изобиловать крупными событиями, но, обычно, в этом периоде лишь завершаются те из них, которые возникли ранее. Если идет война, то она понемногу идет к завершению. Вновь возникшие войны или восстания не разгораются, а быстро утихают, заканчиваясь миром.

В переходные периоды стремительно нарастают эсхатологические предчувствия и апокалипсические настроения, нагнетается пессимизм и катастрофизм в восприятии истории, широкое распространение получает пассивное ожидание последствий и результатов «смуты». Известно, например, что и события бурного XVII века, и Октябрьская революция в XX в. с последующей Гражданской войной казались современникам национальной катастрофой России, ведущей к окончательной гибели цивилизации и культуры. В таком же ключе нередко воспринимается и сегодня современная постсоветская смута, сеющая раздоры и разрушения, конфликты и взаимонепонимания.

Однако каждый транзитивный период порождает и позитивные тенденции. Как правило, в такие периоды появляются великие реформаторы и удачливые авантюристы; возникают новые ценности и переоцениваются старые; одни нормы отменяются и дискредитируются, а на их месте рождаются другие. Господство больших стилей сменяется пестрой полистилистикой; стройные идеологические системы уступают место борьбе и диффузии идей, среди которых открываются совершенно неожиданные. В каждом предшествующем кризисе, благодаря соответствующим регулятивным механизмам социокультурной переходности, культура быстро и радикально трансформируется, синтезируя элементы предшествующего своего развития, а цивилизация находит в себе новые ресурсы для выживания и смыслового обновления.

Переходные эпохи или периоды в жизни любого народа придают новое значение многим процессам и явлениям общественной, особенно социокультурной жизни, по-новому освещают их, выявляя их более глубинные сущностные основания. Причем от перелома к перелому эти изменения усиливаются, по-новому выявляя и обнажая свою природу.

Что касается русской истории, то транзитивные процессы в культуре означают не хаотическое нагромождение ее смыслов и значений, не один лишь деструктивный процесс социокультурного разложения, но является продуктивным механизмом обновления культурной семантики, сопровождающим развитие цивилизации в процессе ее перехода от одной исторической парадигмы к другой. И нынешняя переходная эпоха является катализатором

многих кардинальных культурно-исторических и цивилизационных изменений России – как в лучшую, так и в худшую сторону.

1.2. Феномен «радикальных трансформаций» как разновидность социальных транзитивов

Термин «радикальные трансформации» очень многогранен. Он обозначает коренные, решительные действия – реформы, различного рода преобразования, восстания, бунты, революции и перевороты. Радикальные трансформации представляют собой исторически универсальный феномен. Люди всегда имели причины для объединения и борьбы за свои коллективные цели против тех, кто стоит на пути к их достижению. Историки описывают восстания, бунты, взрывы недовольства еще в античности, религиозные походы в средние века, мощные крестьянские восстания в 1381 и 1525 гг., Реформацию, культурные, этнические и национальные движения Ренессанса. Радикальные преобразования внесли свой вклад в рождение современности в периоды великих буржуазных революций – английской, французской, американской. Именно радикальные движения являются творцами, конструкторами социальных изменений. В то же время они могут облегчить или ускорить исторические процессы, но не могут стать их причиной.

Радикальные преобразования отличаются друг от друга по масштабам предполагаемых изменений. Некоторые из них относительно ограничены по своим целям и не ориентированы на преобразования основных институциональных структур. Они хотят преобразований внутри структуры, а не ее самой.

Революции представляют собой наиболее яркое проявление радикальных трансформаций. Что такое революция? Однозначный ответ на этот вопрос дать очень сложно. Специалисты до сих пор не могут договориться об определении понятия революции, не говоря уже о таком узком термине как культурно-социальная революция. Одних определений около 200. Исследователи теории революции П.Сорокин, Л.Эдвардс, Б.Адамс считали, что революция это есть политический переворот. С ними солидарны другие специалисты-революциологи Джордж Питти – "революция есть изменения Конституционных установлений незаконными средствами" и Пауль Шрекер – "революция, есть незаконное изменение условий законности"²⁶. Такое определение представляется не совсем точным. Более полное определение принадлежит другим исследователям революционных процессов – Г.Лебону²⁷, Ч.Элльвуду, К.Бринтону, которые полагали, что революция, помимо политических, включает социальные, технические, культурные, религиозные изменения. Если точнее выразить их мысль, то революция – это внезапная резкая, насильственная всесторонняя преобразование общества.

Перечислим некоторые другие радикальные трансформации, отличные от революций. *Coup d'etat*, или «государственный переворот», – это внезапная, незаконная смена власти, правительства или персонала политических институтов без какого-либо изменения политического режима, экономической организации или культурной системы. «Бунт», «восстание» относятся к массовым насильственным действиям, направленным против собственных узурпаторов или иноземных завоевателей, в результате чего происходят некоторые изменения или реформы, но не революционные преобразования. Под «путчем» имеется в виду ситуация, когда группа, находящаяся в подчинении, отказывается подчиняться, но при этом не преследует четкой цели изменить что-либо. «Путч» означает насильственное свержение правительства армией (или ее частью), либо группой офицеров. Под «гражданской войной» подразумевается вооруженный конфликт в обществе, который чаще всего вызывается рели-

²⁶ Шепелева В.Б. Революциология. Проблема предпосылок революционного процесса 1917 года в России в отечественной и зарубежной историографии: Учебное пособие. Омск: Омский госуниверситет, 2002

²⁷ Лебон Г. Психология толп. – М.: КСП+, 1999

гиозными или этническими противоречиями. Наконец, под «волнениями», «беспорядками» и «социальным напряжением» мы понимаем стихийные выражения недовольства, тревоги, раздражения, которые не направлены против кого-то конкретно и не стремятся к каким-либо изменениям. Как видим, коллективное поведение и коллективные действия принимают различные формы, но революции явно стоят особняком: все другие могут в конкретных исторических ситуациях сопутствовать революциям, предшествовать им или следовать за ними, но это не революции.

Радикальные изменения – это, наиболее мощные силы, вызывающие социальные изменения. Многие античные философы отмечали важнейшую роль радикальных преобразований, рассматривая их в качестве одного из главнейших способов, способным изменять общества. Так, древнегреческий философ Гераклит Темный утверждал, что только сила может принудить людей действовать в соответствии с их собственным благом²⁸. Он говорит: «Всякое животное правляется к корму бичом». Как и следовало ожидать, Гераклит верит в войну. «Война, – говорит он, – отец всего и всего царь (*Poieinos panton esti pater kai basileus*); одним она определила быть богами, другим – людьми; одних она сделала рабами, других – свободными». И еще: «Гомер был не прав, говоря: «Да исчезнет война среди людей и богов!» Он не понимал, что молится за гибель Вселенной; ибо, если бы его молитва была услышана, все вещи исчезли бы»²⁹.

Размышления другого античного философа – Аристотеля о влиянии радикальных трансформаций на конституционное устройство государства выглядят вполне современно. Рассматривая роль государственных переворотов, он считал, что радикальные изменения могут две цели: во-первых, свержение существующей конституции, во-вторых, ее модификацию. Во втором случае возможен ряд вариантов – установление контроля над государственным управлением, изменение природы (олигархической или демократической) в сторону ее укрепления или ослабления и изменение части конституции (например, отмена одной из магистратур). В качестве основной причины переворотов выступает ошибочная концепция равенства, влекущая людей к одной из крайних форм – демократии или олигархии. Избежание этого усматривается в смешанной форме правления – политии. Специфическими причинами переворотов являются чувства людей, мотивы лидеров, а также целый ряд конкретных причин, вызывающих разногласия в обществе.

Важно отметить, что Аристотель дает социологическую концепцию переворотов: его интересуют стабильность режимов и вызовы им, переход одних форм в другие, например от олигархии к тирании через демократию³⁰. В этом контексте чрезвычайно важно появление в Античной мысли (особенно у Платона и затем Полибия) концепции цикличности форм правления, которая является открытием своеобразного закона их смены под влиянием изменения настроений общества (мы сказали бы – типов легитимности власти). Перевороты в этой концепции выполняют функцию социальной коррекции режима, когда его форма перестает отвечать изменившемуся сознанию общества.

Шарль Луи де Монтескье (1689–1755 гг.) – крупнейший теоретик Просвещения утверждал, что государство и законы появляются вследствие войн³¹. Не имея достаточных материалов, чтобы построить общую теорию происхождения государства, мыслитель пытается объяснить этот процесс, анализируя то, как зарождались конкретные социальные и правовые институты. В связи с этим он полемизирует с предшествующими ему теоретиками, кото-

²⁸ Гераклит // Фрагменты ранних греческих философов. Часть 1: От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. С М.: Наука, 1989

²⁹ Рассел Б. История западной философии: в 3 кн. – СПб.:Азбука, 2001

³⁰ Аристотель. Политика. Афинская полиция. М.: Мысль, 1997.

³¹ Баскин М. П. Монтескье. М., 1975.

рые вопреки историческим фактам переносили в естественное состояние такие социальные явления, как собственность (Дж. Локк) и войну (Т. Гоббс). Монтескье был одним из зачинателей историко-сравнительного изучения общества и государства, эмпирического правоведения.

Философ Нового времени Фридрих Ницше говорил «Человеческое, слишком человеческое». Сюжет так и называется С «Война необходима». Ницше писал: «Только мечтательность и прекраснодушие могут ожидать от человечества еще многого (или даже особенно многого), когда оно разучится вести войны. Доселе же нам неведомы иные средства, которые могли бы так же сильно и верно, как всякая великая война, внушать слабейшим народам такую грубую походную энергию, такую глубокую безличную ненависть, такое хладнокровие убийцы со спокойной совестью, такой общий организованный пыл в уничтожении врага, такое гордое равнодушие к великим потерям, к своей собственной жизни и к жизни близких, такой глухой, подобный землетрясению, трепет души; пробивающиеся здесь ручьи и потоки, которые, правда, катят с собой камни и всякий сор и уничтожают поля нежных культур, позднее, при благоприятных обстоятельствах, с новой силой приводят во вращение механизмы духовной мастерской. Культура отнюдь не может обойтись без страстей, пороков и злобы. Когда римляне в императорскую эпоху несколько утомились от войн, они пытались обрести новую силу в травле зверей, в битвах гладиаторов и в преследовании христиан. Современные англичане, которые в общем также, по-видимому, отказались от войны, прибегают к иному средству, чтобы возродить исчезающие силы: они пускаются в те путешествия, мореплавания, восхождения на горы, которые предпринимаются будто бы с научными целями, в действительности же для того, чтобы из всякого рода приключений и опасностей привезти домой избыточную силу. Придется, вероятно, изобрести еще немало подобных суррогатов войны, но именно из них будет все более уясняться, что такое высокоразвитое и потому неизбежно вялое человечество, как современное европейское человечество, нуждается не только вообще в войне, но даже в величайшей и ужаснейшей войне С т. е. во временном возврате к варварству, С чтобы не потерять из-за средств к культуре самой своей культуры и жизни»³².

«Железом и кровью» С вот выражение, характеризующее политику грубого насилия. Говорят, оно пошло от поэмы английского поэта Теннисона (1809–1892), в которой есть строки: «Не мечтаниями, а кровью и железом будет образована нация»³³. Его многократно повторял прусский канцлер Бисмарк³⁴.

Вот некоторые фразы о войне одного из лучших русских философов XX века Н. А. Бердяева: «Народы должны периодически сходить с ума, чтобы воевать». «Война, при духовно должном отношении к ней, облагораживает и возвышает человеческую душу». «Война говорит о самобытной исторической действительности, она дает мужественное чувство истории»³⁵.

Французский исследователь Франсуа Гизо считал радикальные преобразования одним из этапов изменения общества и освобождения его «от оков старого режима, торжество конституционного порядка»³⁶. Например, для Гизо Английская революция было источником опыта эволюционной трансформации страны в направлении либерализма и прогресса. А его знаменитый лозунг «Обогащайтесь» ориентировал на эволюционную политическую трансформацию постреволюционного общества, урок которого давала Англия³⁷.

³² Ницше Ф. Сочинения. – М.: Мысль, 1990. Т. 1. С. 449Р450.

³³ Английские поэты в биографиях и образцах, сост. Н. В. Гербель, СПб, 1875

³⁴ Ерусалимский А. С. Бисмарк. Дипломатия и милитаризм. М., 1968.

³⁵ Бердяев Н. А. Философия неравенства. Письма к недругам по социальной философии. Париж, 1971. С. 190, 192Р193.

³⁶ Стародубовская И.В. Мау В.А. Великие революции от Кромвеля до Путина – М.: Издательство "Вагриус", 2001

³⁷ Стародубовская И.В. Мау В.А. Великие революции от Кромвеля до Путина – М.: Издательство "Вагриус", 2001

Другое направление исследований радикальных трансформаций берет начало у Карла Маркса. Феномен революции в теории марксизма предопределен самим ходом общественного развития, движением производительных сил и производственных отношений, результатом медленной, но неотвратимой работы «крота истории». Маркс считал революции неизбежны, развитие и укрепление буржуазной системы отношений на самом деле лишь приближает социальные транзитивы в обществе³⁸.

Радикальные трансформации являются неотъемленной частью социальных транзитивов. Без революций, бунтов, войн не обходится ни одна переходная эпоха. Как не парадоксально, но именно радикальные преобразования античного мира, Ренессанса глубоко повлияли на самосознание современных обществ. Современные интеллектуальные ориентации ведут свое существование от таких транзитивных эпох, как Возрождение и Реформация. Все эти течения и преобразования прямо повлияли на центральные идейные и символические сферы в европейских обществах, что и привело к созданию нового социального и культурного порядка. Эти радикальные изменения сопровождались перестройкой идеологической сферы, границ политических и культурных общностей, а также институциональными изменениями в экономической, научной и культурной сферах. Они сформировали особую, революционную символику и одновременно сделали составной частью политико-идеологического символизма и образа мышления всего современного мира. И дело не в том, что современная социологическая и культурологическая мысль происходят от идеологических систем и интеллектуальных течений, напрямую связанных с тем или иным радикальным течением, который сформировал современное общество, и что понимание современного общества с его революционным происхождением и опытом как уникального типа общества составляет основу современного политического и культурного анализа. Этот радикальный опыт, воспринятый важнейшими идейными течениями современного общества, породил ряд основополагающих постулатов современной общественно-политической мысли и культурологического анализа о природе общества и в первую очередь о социальных изменениях и преобразовании обществ.

³⁸ Маркс К. Восемнадцатое Брюмера Луи Бонапарта // Маркс К.Энгельс Ф. Сочинения. 2 изд. Т.23.

Глава 2

Особенности культуры радикальных трансформаций. Историко-аналитический обзор

2.1. Первобытное, античное и средневековое время

В человеческих обществах шел постоянный процесс их совершенствования, и целые цивилизации подвергались трансформации, что свидетельствует об универсальности социальной предрасположенности к изменениям. Хотя антропологическая литература изображает первобытные общества мало расположенными к изменениям вообще и преобразованиям в особенности (т. е. к изменениям затрагивающим институциональные и символические предпосылки общества), все же признавалось, что даже эти общества испытывают конфликты и противоречия – конфликты между социальными сегментами и противоречия между принципами социальной организации, особенно системами родства, территориальной принадлежности и власти.

Недавние археологические и антропологические исследования дают более динамическую картину, показывающую, как могла произойти эти трансформации. Источники указывают, что в большинстве первобытных обществ существовал потенциал преобразующих изменений. Этот потенциал складывался в первобытных обществах, поскольку в них возникали трения между различными племенами и культурами. К тому же эти принципы сплетались с такими структурными категориями, как возраст, отношение родства или территориальная принадлежность племени, и с отдельными группами и интересами. Эти трения часто вели к расхождению и конфликтам между политическим и социальным статусом, а так же к социальному неравенству и соперничеству между элитными группами, теми которые занимались религией и культурой, и теми, у кого сосредотачивались богатства или политическая власть.

Такие расхождения и противоречия создавали потенциал радикальных преобразований, который мог реализоваться под воздействием демографических и экологических процессов или внешних факторов. Американский ученый Э.Сервис указал на то, что внутренняя динамика политической системы, мотивы политических вождей и их превращения в особую социальную касту давали мощный толчок к изменениям в первобытных обществах вообще и прорыву их в сторону цивилизации³⁹. Аргументация Э.Сервиса может быть расширена с включением других племенных лидеров, как религиозной, так и в экономической сфере⁴⁰. Недавние исследования подчеркивают также, что важным двигателем изменений в первобытном обществе являются экономические взаимоотношения между ними.

Радикальные изменения в античном мире обычно выражались в том, что менялись держатели власти или династии, происходили перемены в положении различных семей, этнических или региональных групп в системе иерархии. Изменялись границы политической системы. Несмотря на то, что при этих условиях часто возникали новые политические и экономические группы, появление новых типов религиозных институтов и ориентаций оставались редким явлением. А вновь сформировавшиеся социальные слои не получали возможности непосредственно какую-либо власть или способ воздействия на лидера и большей

³⁹ Service E.R. Primitive Social Organization: An Evolutionary Perspective. 2nd ed. New York: Random House, 1971

⁴⁰ Стародубовская И.В. Май В.А. Великие революции от Кромвеля до Путина – М.: Издательство "Вагриус", 2001

частью включались правителями в существовавшие или вновь возникавшие политические системы.

Это наложило отпечаток на культуру античного мира – это, прежде всего воинская культура. В этот период наибольшую известность получила спартанская система представлений о культуре. В Спарте было сформировано своё понимание культуры, во многом противоположное афинским представлениям. В Спарте не дискутировали о культурном или научном образовании. Главное в культуре, считали спартанцы, это воинское искусство, умение воевать, а значит – культура должна формировать воинов⁴¹.

В таком представлении о культуре сказались реалии спартанского общества. В ходе завоевания Древней Греции та территория, которая принадлежала Спарте, досталась ей по жребию. Её коренное население было превращено в зависимую группу производителей. Это были илоты, они составили низы общества. Господствующее экономически и политически население – завоеватели – образовало группу правителей – воинов-спартиатов. Они совместно, мы бы могли сказать, «коллективно» использовали труд илотов для своего «совместного» обогащения.

Поэтому в Спарте процветал «потребительский» коммунизм и вытекающее из него бесплатное, «всеобщее» (для спартиатов) обучение детей. Система эксплуатации илотов могла существовать только как централизованная система, поэтому в Спарте всегда была монархия. В монархии один правит, это – царь, все остальные – подданные, которые повинуются, исполняют приказы. Идеалом человека, исполняющего распоряжения начальства, является воин. Поэтому в Спарте и сформировался идеал культурного человека-воина, который, прежде всего, должен был повиноваться. Все остальные качества – например, мудрость («философия»), красноречие, знание искусств – не ценились. Но для такого античного философа и мудреца, как Платон, занимающегося наукой о государстве, спартанское государство казалось наилучшим приближением к идеалу⁴². В то время обыкновенный грек считал, что государственный строй Спарты обладает строгой и простой красотой, является дорическим городом – величавым, подобно дорическому храму, значительно более благородным, чем его собственное место жительства.

Более или менее радикальные трансформации в античных и средневековых обществах, были в большинстве случаев обусловлены сочетанием внутренних и внешних факторов. В самых крайних случаях, например при завоеваниях, роль внешних факторов, конечно, оказывается решающей. Все же и в этом случае давление извне обычно обостряло уже имевшие место внутренние, межэлитные и межгрупповые, конфликты. Таким образом, происходившее падение режима нельзя отнести только на счет одной разновидности факторов.

Даже когда происходили крупные изменения в политической области, будь то ликвидация государства или включение его в состав другого государства, то это не всегда сопровождалась переменами в границах или ликвидацией этнических или религиозных образований, а так же структурных изменений в культурной или экономической сферах.

Конечно в городах-государствах, существовавших на Ближнем Востоке или Индии, завоевание государства и смена правления могла означать исчезновения целого народа или государства, заодно с его особой религией или культурой. Происходил процесс условно называемый поглощение. Когда более «высокая» культура поглощает более «низкую» – национальную. Когда завершился знаменитый поход Александра Македонского, и он погиб, огромная держава (все завоеванное им) распалась на ряд государств (Египет Птолемеев, Сирия Селевкидов и др.). Пришлые греки и македоняне (завоеватели) слились с местным

⁴¹ Всемирная история: В 24 т. Т.3. Век железа. – Мн.: Литература, 1998

⁴² Рассел Б. История Западной философии – СПб: Издательство «Азбука», 2001

населением. Произошло то, что называют наложением культур. Более «высшая» культура – эллинизм, затмила собой «низшую» (местную) почти на несколько столетий.

В условиях монархий образовалась культура (точнее – культуры), связанная с культурой классической Греции, наследовавшая ее достижения. Даже языком эллинистической культуры стал измененный (в диалектах) греческий⁴³.

Конечно, в новых условиях никакого полисного патриотизма быть не могло. Но культуру греческую монархии и знать эллинистических государств ценили высоко, и стремились использовать. Особенно активно это делали Птолемеи в Египте, в Александрии, где был создан музей (храм муз), где существовала богатейшая библиотека. В Александрии развивалось образование, была впервые создана единообразная школьная система. В этническом аспекте она напоминает западноевропейскую, потому что основное эллинское ядро не исчерпывает всех вариантов разносторонней эллинистической культуры. Конечно, Рим, Карфаген, Пела имели свои локальные особенности и представляли собой самостоятельные этносы, но в суперэтническом смысле входили в широкий круг эллинистической культуры.

Впервые государство и города стали заниматься специальным обучением детей, начальным, элементарным образованием, в основном платным. Обучали чтению, письму, немного риторике. В то же время физическое развитие всех перестало быть актуальным, в связи с тем, что армия в эллинистических государствах стала наемной. Физическая культура – все более превращалась в спорт, в игру.

В эллинистических государствах, наряду с развитием просвещения, выросла и роль религии, причем в мистических ее вариантах, что было связано с почвой и влиянием Востока. Развивались культы восточных богов (Митры, Индры), а из греческого “арсенала” – диониссийское, неистовое начало (культы Деметры, Персефоны).

Эллинизм был одним из вариантов продолженности древнегреческой цивилизации и культуры. Вторым же вариантом, в котором они продолжились частично, оказались цивилизация и культура Древнего Рима, а потом и Византии. Эллинизм оказал сильное влияние развитие римской цивилизации.

В то же время, античное и средневековое общество не знало такой разновидности радикальных трансформаций, как революции. Революции, в подлинном смысле слова, суть, как выразился К.Фридрих, «особенность западной культуры. Великие цивилизации прошлого – Египет, Вавилон, Персия, Греция и Рим – знали восстания, мятежи и смены династий, но все это «никак не напоминало «великие» революции запада»⁴⁴. Да и самого термина «революция» в его современном смысле до конца XVIII века не существовало. Слово это обозначало нечто противоположное радикальному перевороту: со времен Коперника под «революцией» понимали устойчивое и неизменное движение, изменить которое не в силах смертного.

Зато античное и средневековое общества знали различного рода восстаний, бунтов, переворотов. И в отличие от радикальных изменений первобытного общества в них наиболее ярко проявляются в возникновении четко определенных движений, таких, как восстание, инакомыслие, протест, а также в достижении более высокого уровня выражения политической борьбы, чем тот, который существовал раньше, в первобытных обществах. Даже если система радикальных изменений в первобытных обществах выглядит упрощенной, в античных и средневековых обществах впервые можно вполне идентифицировать более определенное выражение движения радикальных изменений.

В этих обществах сложилась тенденция к формированию типа относительно автономных и длительных восстаний и переворотов. Организаторами таких трансформаций могли выступить носители одной культуры или социального статуса. Первые поддерживали осо-

⁴³ Немировский А.И. История Древнего мира: Античность. – М.: ВЛАДОС, 2000

⁴⁴ Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. – М.: Прогресс-Традиция, 2004

бую культурную ориентацию, вторые – место на социальном уровне (иерархии). В то же время возникали и движения инакомыслия, которые нередко были направлены в основном на переосмысление основных господствующих культурных традиций и обычаев. А в процессе формирования социальных институтов, прежде всего в экономической и образовательной сферах, выдвигались лидеры нового типа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.